

НИНЕЛЬ НУАР

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
БАРЫШНИ СОФЬИ
продолжается

Нинель Нуар

**Вторая жизнь барышни
Софьи продолжается**

«Автор»

2026

Нуар Н.

Вторая жизнь барышни Софьи продолжается / Н. Нуар —
«Автор», 2026

Он был моим злейшим врагом, а стал союзником. Я не собиралась ему доверять, но пришлось, потому что условия игры изменились и ставки выросли. Враги из прежней жизни никуда не делись и теперь знают, что я иду за ними. Но я не отступлю. Третьего шанса мне никто не даст.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Нинель Нуар

Вторая жизнь барышни Софьи продолжается

Глава 1

Темница под околотком оказалась сырой, холодной и удивительно многолюдной.

Стражи особо не церемонились. Не знаю, кому и сколько заплатили Воронцовские, но обошлись со мной как с последней воровкой, пойманной на горячем.

Учитывая пропитавший мое платье дым пожарища — буквально.

Тесную камеру заполняли женщины — и на том спасибо! — всех возрастов и размеров. Разве что статус оставался единым. Бедность за чертой разумного.

И я.

— О, какая птичка к нам вдруг залетела! — пропела внушительных размеров бабища, с трудом поднимаясь с узкой, липкой даже на вид лавки. — Тебя-то сюда за что?

Выглядела она грозно, возвышалась надо мной головы на полторы и раза в три превышала в обхвате. Меня она не узнала, а вот я ее — очень даже.

Одна из последних статей, вышедших в нашем с отцом листке, посвящена была трагичной судьбе владелицы цветочной лавки.

Да-да, вот эта огромная гора пальцами-сосисками собирала потрясающей красоты букеты, за которыми невесты и зажиточные горожанки выстраивались в длинные очереди.

А потом ее нашли поутру в постели, уже остывшей. Ничто не предвещало, здоровьем госпожа Лозинская обладала богатырским, что и сейчас видно. Лавку она откроет только через полгода, тогда же и начнет хоть что-то зарабатывать. Пока же перебивается, продавая первocветы прямо с рук, на рынке и оживленных площадях, и последние копейки отдает матери и брату.

Они впоследствии ее магазинчик и унаследуют. Попытаются вести дела, быстро прогорят и продадут все, после чего вырученное пропьют менее чем за полгода и вернуться в трущобы.

Статьи вся эта в общем-то обыденная история удостоилась потому, что доктор счел неожиданную смерть госпожи Лозинской слишком неожиданной. И обнаружил в ее чае сомнительные добавки, которые вряд ли она сама туда положила. Под подозрение попали в первую очередь родственники. Но, видимо, не поскупились на убедительные доводы и дело это замяли.

Я была тогда возмущена до крайности. Как любая невеста в Унгуре в те годы, букет на свадьбу я заказывала именно у госпожи Лозинской, и ее трагическая гибель зацепила меня не на шутку.

Отношения наши с мужем на тот момент были романтично-восторженными: медовый месяц еще не закончился, а кутежи с легкомысленными дамами еще не начались. Потому историю я приняла близко к сердцу и настроила возмущенный опус. Прошел он, правда, совершенно незамеченным. Никому не было дела до внезапно помершей цветочницы. Ну, посокрушались кумушки, что ныне заказать приличные цветы негде, да и забыли.

Воспоминания того времени наслоились на пережитый только что стресс. Все-таки не каждый день мою типографию, которую я подняла с нуля, холила и лелеяла, сжигают дотла какие-то проходимцы!

С громким всхлипом я бросилась на внушительную грудь госпожи Лозинской и душе-раздирающе разрыдалась.

Утро началось с лязга решетки и громкого недовольного ворчания.

Полагаю, стражи рассчитывали запихнуть меня к обитательницам придонного слоя Унгура, чтобы запугать нежную барышню и легко получить потом нужные показания. Одна госпожа Лозинская для незнающего ее человека выглядела по-настоящему устрашающе!

Однако когда до меня снизошли и решили наконец допросить, глазам следователей открылась умильнейшая картина.

Меня уложили почивать на лавку в центре, около окошка, где воздух посвежее. Укутали старой рогожей, предварительно ту отряхнув, чтобы не занести барышне насекомых. А с рассветом пирожок сунули, позавчерашний, почти свежий. Пах вроде бы неплохо, внутри была капуста, так что быстро не пропадет. Недолго думая, я вгрызлась в него зубами.

Учитывая, что с обеда у меня крошки во рту не было, а время давно перевалило за завтрак, ничего удивительного, что молодой организм успел оголодать. В несбывшемся будущем мне и не такое жевать приходилось, так что за свой желудок я была спокойна. Переварим.

Отчего-то стражи не прослезились, а выругались такими словами, каких приличной барышне слышать не пристало. Даже в околотке.

— Вам тоже добрейшего утречка! — заулыбалась я, аккуратно сворачивая рогожу и передавая хозяйке. — Надеюсь, вы уже известили моего батюшку и поверенного? Я хрупкая, нежная и нервная, без знакомых лиц могу и в истерику сорваться. Вряд ли вам это понравится!

— Вы нам не угрожайте! — отрывисто выпалил страж помоложе.

— И в мыслях не держала, — заверила его ласково. — Напротив, прошу обойтись со мной с некоторым снисхождением.

— Вижу, вы и так неплохо устроились, — проворчал начальник караула. — Госпожа Мещерская, на выход с вещами!

— Без госпожи Лозинской не пойду! — внезапно заупрямилась я.

У половины отряда дернулся глаз.

Я их понимала и отчасти сочувствовала. Мзду от Воронцовских, скорее всего, получил кто-то из начальства, а эти ребята расплачивались за решение сверху. Но мое собственное благополучие — и возможность помочь тем, кто в этом нуждается — перевешивали.

— Приказ был — доставить в кабинет пристава Туровского госпожу Мещерскую. Ничего по поводу Лозинской не знаю, — попытался выкрутиться начальник отряда.

Но я ему не позволила:

— Вот вместе и сходим, заодно оба дела вместе рассмотрим.

И выпихнула цветочницу вперед себя из камеры. Пришлось поднапрячься, благо госпожа Лозинская от удивления не сопротивлялась. Но и не помогала.

В кабинете пристава оказалось куда больше людей, чем я представляла. Просторное помещение казалось тесным из-за количества набившихся туда мрачных, сурово настроенных мужчин.

Узнала я папеньку, Сташевского и нашего семейного поверенного, Пореченского. Последний вопреки ожиданиям не насканивал на пристава, требуя меня немедленно освободить, а тихо сидел в углу, не отвечая.

Его место у стола занял представительный господин с лихими кавалерийскими усами. Он ими активно шевелил, что-то вполголоса доказывая господину Туровскому. Пристав попеременно бледнел, краснел и покрывался бурыми пятнами.

Еще трое, застывшие статуями у дверей, были мне смутно знакомы с пожара. Подручные хлыща, которых он послал наблюдать за складами и подозрительными подростками.

Моему появлению все порядком удивились. Вероятно потому, что первой в кабинет зашла, сотрясая пол и стены, госпожа Лозинская. А уже за ней просочилась змейкой я.

— Госпожа... Мещерская? — с легкой заминкой уточнил усатый господин, переводя взгляд с меня на цветочницу и почему-то Сташевского.

— Это я! — поспешно избавила беднягу от мук сомнений.

Мужчина отчетливо выдохнул и уже куда спокойнее продолжил:

— Позвольте представиться, присяжный поверенный Мелецкий. Прибыл из Верхнекамска для помощи в вашем деле.

— Благодарю, — с долей растерянности пролепетала я.

Верхнекамск — это, конечно, не Московия, но все же центральная часть страны, где обитали благородные и зажиточные. А господин Мелецкий явно относился и к благородным, и к зажиточным.

Что он здесь вообще забыл? Тем более при чем тут я?

Короткий красноречивый взгляд от Сташевского немного прояснил ситуацию.

Он же пообещал меня вытащить. И держит слово изо всех сил. Даже в ночь дернул какого-то высокопоставленного знакомого, чтобы устроить местный околото. Как только успел? Не иначе с пожарища сразу бросился на телеграфную станцию, отбил срочное послание. Повезло, что его друг оказался легок на подъем и успел на ночной поезд! Иначе раньше ужина не явился бы.

Как раз в тему моих недавних размышлений о развивающихся железных дорогах. До нужной скорости и покрытия им еще лет пятнадцать, не меньше.

— Итак, в чем конкретно обвиняется госпожа Мещерская и на каком основании? — деловито повернулся господин Мелецкий к приставу.

Тот сосредоточенно перебрал бумаги, составил из них правильный кирпич стопочки, постучал ею по столу, откровенно потянув время, и проблеял:

— В поджоге имущества с целью получения страховки!

— Что вы несете? Мне страховка и половины стоимости станков не покроет! — возмутилась я.

Сташевский неуловимым движением переместился ближе и сжал мой локоть.

— Предоставь это специалисту, — вполголоса посоветовал он, наклонившись ближе.

Я невольно отстранилась, но не потому что вдруг застеснялась. Просто амбре после пребывания в камере ощущалось на мне несмываемым густым слоем грязи. Казалось, я могу запачкать человека, просто постояв рядом, не говоря уже о прикосновениях.

Госпожа Лозинская с неодобрением покосилась на мужские пальцы, сжимающие мою руку, и выразительно откашлялась. Господин Сташевский дернул бровью, но меня выпустил и отступил на приличествующее расстояние.

Главного он все равно уже добился. Я замолчала, передавая бразды управления своей жизнью в чужие руки.

Неприятное ощущение, надеюсь, что временное. Давненько я его не испытывала.

— У вас есть причины для задержания госпожи Мещерской? — продолжал допытываться господин Мелецкий, будто и не заметил моего выступления. — Барышня целую ночь провела в камере, сама не своя. Как можно в таком состоянии её допрашивать? Это бесчеловечно! Не говоря уже о том, что она сама пострадала в пламени. А что то был поджог и с каким умыслом, еще нужно доказать. У вас есть показания свидетелей или данные следствия?

— На первом этаже стойкий запах керосина, — торжествующе заявил пристав. Наконец-то ему было за что зацепиться! — Возгорание началось с готового тиража и быстро распространилось по зданию.

— Все это время барышня пребывала в кабинете. Это может подтвердить господин Сташевский. Она ни разу его не покидала и вниз не спускалась.

— Мало ли что он может подтвердить! — пробормотал господин Туровский уже не так уверенно.

Одно дело — обвинять меня в поджоге, и совсем другое — намекать на неприличное с участием столичного хлыща. Да еще и в присутствии присяжного поверенного!

Господин Сташевский вопреки собственным словам шагнул вперед.

— Я подтверждаю не только полную непричастность барышни Мещерской к пожару, но и могу назвать настоящих поджигателей. Прошу отнестись к этому делу со всей ответственностью и не вешать вину на первую попавшуюся жертву.

— Что вы такое говорите? Мы в участке расследуем каждое преступление досконально и со всем старанием! — заюлил пристав.

— Вот и расследуйте! А не задерживайте без доказательств приличных людей, — отрезал хлыщ, и постучал по одной из бумаг на столе для наглядности. — Показания свидетелей у вас есть. Работайте!

— Но... — начал было господин Туровский, однако под строгим взглядом присяжного поверенного сник.

— А теперь — госпожа Лозинская! — спохватилась я. — За что ее задержали?

— За драку, — коротко бросил все еще пребывающий в расстройстве пристав. — Причинение ущерба и избиение.

— Мужа из кабака выдворяла, — потупившись, пробасила великанша.

Присутствующие мужчины поежились и не стовариваясь отступили подальше.

— Сопrotивлялся? — сочувственно похлопала ее по руке я.

— Пытался.

— Вот видите, дело-то семейное, — заулыбалась я, переводя взгляд на пристава. — Сами разберутся.

Тот открыл было рот, чтобы возразить, но подумал и закрыл его снова.

Будь ситуация обратной, то есть вздумай муж поучить жену уму-разуму, никому и в голову не пришло бы отправлять его в околоток. Он в своем праве, а в домашние склоки стражи порядка не полезут. Тут же не в пользу госпожи Лозинской сыграл фактор неожиданности. Как это баба — и на супруга руку подняла?

Учитывая, какой там супруг, ему еще и мало досталось. Умудриться процветающее дело загубить за несколько месяцев — это талант нужен.

— Пойдемте, пока вы еще кого не спасли, — процедил сквозь зубы господин Сташевский, для надежности вновь ухватывая меня под локоть и выпроваживая из кабинета.

Остальные потянулись следом.

На улице папенька, за все это время не проронивший ни слова, наконец-то ожил.

— Как ты, доченька? — губы у него дрогнули. Стало ясно, почему до сих пор он молчал — боялся не сдержаться и пустить слезу прилюдно. — Страху, поди, натерпелась, бедная моя!

В прошлой жизни, попади я в подобную ситуацию, точно не обошлась бы короткой бурной истерикой на уютной груди госпожи Лозинской. Но сейчас я мудрая, опытная женщина, пережившая шесть облав ночного клуба и три допроса с пристрастием.

Хозяин той забегаловки, где я подрабатывала музицированием, организовал у себя подпольный игровой зал. И поскольку его покровители периодически менялись и устраивали передел зоны влияния, попадал в неприятности с завидной регулярностью. И все его работники вместе с ним.

К счастью, мелких сошек вроде меня на первый раз отпустили без особых проблем. Даже без порицаний обошлось, хватило ночи в камере в компании крыс. К сожалению, сменить подработку сразу не вышло, потому за первым задержанием последовали остальные.

— Все хорошо, папенька. Благодаря госпоже Лозинской все было не так уж и страшно, — бодро улыбнулась я и повернулась к цветочнице. — Приходите к нам, когда у вас появится свободная минутка. У меня будет для вас небольшое деловое предложение.

— Для меня? — несказанно удивилась она. — Чем я могу быть полезна барышне, помилуйте!

— Вашими замечательными букетами, разумеется!

— Откуда вы знаете? Это так, увлечение, — потупилась госпожа Лозинская и зарделась.

Ну да, ни муж, ни свекровь не принимают ее талант всерьез. Да и зарабатывать по-настоящему у нее пока что не получается. Возится в саду, ходит по лесу, мается, в общем, когда могла бы дом вести и хозяйство. Хотя учитывая их жизнь в трущобах, вести там немного. А что появляется — все идет на развлечения супруга.

— У вас настоящее призвание! Не стоит себя недооценивать, — заверила я женщину.

Вручила ей папенькину карточку, чтобы нашла нас непременно, помахала вслед и повернулась к господину Сташевскому.

Тот вместе с присяжным поверенным терпеливо дожидался в сторонке.

Глава 2

Не колеблясь, я согнулась в глубоком поклоне. Приседать в снегу как-то странно, особенно когда платье местами прожжено до дыр, а сама барышня прокопчена до состояния око-рока.

— Благодарю за своевременную помощь. Не представляю, что бы я без вас делала, — заявила, обращаясь одновременно и к господину Мелецкому, и к хлыщу. — Господин Пореченский — отличный специалист, когда дело касается налогов и займов, но имеет мало опыта в уголовных делах. Боюсь, все могло закончиться куда печальнее.

— Оно еще не закончилось, — мрачно возразил Сташевский, а его приятель подтверж-дающе кивнул. — Полагаю, нам следует обсудить наши дальнейшие шаги, когда вы немного придете в себя. Скажем, после обеда?

Весьма тактичное предложение помыться и переодеться, я оценила, что он не стал рубить в лоб.

Господин Пореченский, мявшийся в отдалении, тут же подскочил ближе.

— Господа, если вам будет удобно, могу предложить свой кабинет для беседы. И поскольку господин Мелецкий еще не выбрал, где остановиться, мой скромный дом в том же здании к его услугам. Кухарка у нас отменная!

Мелкому провинциальному поверенному никогда не помешают новые знакомства, особенно из высшего круга.

— Боюсь, сегодня госпоже Мещерской не до прогулок по городу, — скептически склонил голову Сташевский. Ну да, он тоже опытный, наверняка перед отправкой в ссылку пришлось посидеть или в каземате, или в допросной. — Предлагаю первую встречу провести в доме барышни, а следующую уж в кабинете господина Пореченского. Если, конечно, они с господином Мелецким поладят.

— Почему и нет, я неприхотлив, — хмыкнул гость, явно намекая на скорость приезда посреди ночи. — Так и порешим.

Поверенные бок о бок двинулись по улице в сторону дома Пореченских, меня же Сташевский под локоток устроил в пролетке. Извозчик терпеливо дремал на облучке, ожидая, пока мы договоримся, и явно ждал именно нас, потому что отказал троим прохожим.

Я устроилась рядом с папенькой, стараясь не прислоняться к нему слишком тесно. Будь моя воля, вовсе скинула бы все прямо сейчас, но холод просачивался сквозь дыры в платье, напоминая, что шубка сгорела вместе со всеми бумагами и прочим.

Плечи укутала сероватая плотная шерстяная ткань. От пальто господина Сташевского тоже пахло пожаром, но иначе — не так остро и болезненно. Похоже, он всю ночь лазил по руинам, отыскивая вместе с пожарными и следователями уцелевшие предметы, по которым можно восстановить картину происшествия.

Запах керосина, который упомянул пристав, уже достаточно красноречив, хотя я и раньше не сомневалась в том, что нас подожгли. Однако доказать страховой и всему городу, что сделала это не я, куда сложнее. Слухи наверняка уже разлетелись, ведь основной задачей Воронцовских было не посадить меня — понятно, что прямых доказательств моей вины нет. А заронить сомнение в моей благонадежности, чтобы, когда я пришла в околотовок со свидетельствами их нелегальной деятельности, меня подняли на смех. Мол, сама преступница, а других обвиняет.

Так что сейчас каждая верная Воронцовским собака старательно разносит по Унгуру вести о том, что барышня Мещерская обманула страховку, подвергла риску жизнь столичного аристократа и посидела в камере с преступными элементами, опозорив себя и свой род.

Пригласят ли меня после такого на балы и застолья? В ближайшее время — сильно сомневаюсь. Сначала придется доказать, что я не замешана и не планировала мошенничество. И то, многие поостерегутся, потому что, как говорится, ложечки, может, и нашлись, а вот осадочек остался.

Дуняша встречала меня на пороге и сходу бросилась на шею, не обращая внимания на сажу и вонь.

— Барышня, страх-то какой! — запричитала она, утаскивая меня в комнату чуть ли не силком. Едва успела обувь скинуть и пальто господину Сташевскому вернуть. Вот же закаленный, сидел в пролетке под пронизывающим ветром и даже не чихнул ни разу! — Какая же вы умничка, не растерялись, выбрались! Я бы, наверное, там и осталась с перепугу.

— Из страховой уже приходили? — перебила я поток страданий.

Авдотья натура увлекающаяся, может так плакать до самого вечера, истязая и себя, и окружающих.

— Нет еще. Записку прислали, чтоб документы готовили. Ну, папенька ваш так сказал, я-то в бумажках не разбираюсь.

— Отлично. Сегодня же все подготовим, — кивнула я, безглаголиво стряхивая с себя платье. — Повезло, что я все дома хранила. Как чувствовала.

Везения в том было немного, скорее, дурное предчувствие. Я помнила, как закончилась жизнь Сташевского в прошлый раз, и подсознательно держала в уме вероятность нового поджога. Потому и купчую на здание, и счета за станки и прочее в типографии не оставляла. Только письма от читателей и готовые статьи.

С предстоящих разборок со страховой компанией мысли перескочили на виновников происшествия. Доказать их причастность невозможно: вряд ли Томаш с Войцехом видели, кто им платил. Воронцовские не дураки — подставляться и светиться перед малолетними преступниками. Но у меня и нет такой цели. Главное, чтобы меня саму к ответственности не привлекли.

— Вызнай срочно, где будет в ближайшие дни Розалия Воронцовская, — попросила я прежде, чем погрузиться в обжигающе-горячую воду. — Мне нужно с ней встретиться, но так чтобы она не убежала при виде меня. Скажем, в чайной или в ресторане каком.

— Сей момент займусь! — вытянулась Дуняша по струнке и убежала вниз, отправлять посыльного с поручением.

Я расслабилась в пахнувшей цветами и травами пене и прикрыла глаза, позволяя себе забыть недавнее ощущение смертельного ужаса.

Храбриться перед служанкой и мужчинами я могла сколько угодно, но пожар порядком выбил меня из колеи. Я-то наивно полагала, что в запасе у меня куча времени. Никакие активные действия заговорщики не предпримут еще пару лет, а до гибели Сташевского — и того больше. Но мои действия явно радикально изменили происходящее.

Оружия у мятежников пока что недостаточно. Недаром они начали подготовку заранее — мало раздобыть ружья и порох. Нужны специалисты, умеющие обращаться с взрывчаткой, нужно обучить молодежь хотя бы самой базе — с какой стороны ружье держать и куда жать, чтобы выстрелить. Ну и обеспечить несколько сотен бунтовщиков амуницией путем контрабанды — задача не одного года. Ружья не ящиками привозят, их маскируют по четыре-пять штук на дне контейнеров, на случай проверки. Все-таки это не лекарство какое и не травы из Цинь. Если поймают — каторгой не отделаться: это уже государственной изменой пахнет.

Вообще-то мне нужно побеседовать с патриархом Воронцовских, но учитывая нынешние наши отношения — точнее, тихую вражду с их стороны, меня, вероятнее всего, с порога завернут и оправданий придумывать не станут.

А я к ним лично ничего дурного не испытывала. Тем более они пытались помочь матушке — ну, таскают они потихоньку через границу всякое. Возможно, убивают кого. Но за годы

жизни в столице я на такое насмотрелась, что мелкие провинциальные контрабандисты вызывали у меня скорее умиление, чем ярость. Если бы они еще в поставки оружия не полезли — вообще молодцы были б.

Раз за столько поколений не попались, значит, мозги у их предводителя работают как надо. И логические доводы он должен воспринять адекватно. Жаль, мне некого послать на переговоры — Сташевский вряд ли поймет мое намерение объединиться с теми, кто пытался нас убить.

А еще мне было чисто по-женски жаль Розалию.

Каково это — с превеликим трудом выйти замуж, только чтобы узнать, что папенька намерен использовать твой брак в своих целях? А после еще и молодого мужа уморил, для устрашения сообщников.

Были ли у нее чувства к Зимородскому?

Симпатия — наверняка. Без некоторой склонности она не стала бы его женой, не того характера барышня. Мне даже беглого знакомства с ней хватило, чтобы понять: несмотря на болезненность, стержень у нее есть. Или же, наоборот, благодаря проблемам со здоровьем ее стойкость и выдержка приумножились.

Если же она успела влюбиться в супруга, то получается вдвойне драматично. Втройне, учитывая, что несколько лет спустя ее убьют вместе со всей семьей.

Хотя бы ради этого следует попытаться переадресовать усилия Воронцовских с деструктивных в конструктивные. Вместо того чтобы поддерживать заговорщиков, пусть помогут нам со Сташевским. Так, глядишь, и милость царя снискают, может, и вернуться в столицу позволят. Гарантий, конечно, никаких, но лучше сытая жизнь в Унгуре, чем бесповоротная гибель всего рода.

Отправив мальчишку с заданием, Дуняша вернулась, чтобы помочь мне вымыть голову. Копоть и вонь околоточной камеры въелись в волосы особенно прочно. Или это в моей голове поселился мерзкий запах, отравляющий все вокруг? Даже после третьего ополаскивания мне продолжали мерещиться нотки гари, хотя служанка заверяла, что пахнет исключительно чистой.

Поздний завтрак или — если судить по времени — ранний обед больше напоминал пир. Кухарка на радостях, что барышня вернулась невредимой, расстаралась вовсю. Отсутствием аппетита я не страдала, отдала должное и запеченному гусю, и моченым яблокам, и соленым грибочкам, и пирогам с картошкой. Вот только с капустой в сторонку отодвинула — ассоциации с ней теперь не самые приятные.

Господин Сташевский наблюдал за мной со смесью уважения и опаски. Все еще ждал, видимо, что я, как положено приличной девице, начну биться в истерику или рухну в обморок. Разумеется, не дождался.

— Господин Мелецкий обещал быть после двух, — напомнил он, когда подошло время чая с ватрушками. — Будете составлять прошение о страховой выплате?

— Почему нет? — выгнула я бровь. — Вы же не думаете, что я правда поучаствовала в поджоге?

— Нет, конечно.

— Тогда глупо будет не получить хотя бы часть компенсации. Сомневаюсь, что мне выплатят всю положенную сумму, но даже часть ее уже даст понять всем злопыхателям, что я чиста перед законом.

— Главное, чтобы они выплатили на самом деле хотя бы часть, — проворчал господин Сташевский.

Он правильно понимал расклад, но не учитывал моей будущей беседы с патриархом Воронцовских. После нее от меня должны отступиться.

Если все пройдет по плану. Если же нет — придется уезжать из Унгура: здесь мне спокойствия не видать. И хорошо, если смена места поможет, а то и скрываться придется, если контрабандисты пустят в ход свои связи и всерьез решат меня прижать.

Могут и вовсе убить, от греха подальше.

Вот же влипла на свою голову!

— Выплатят, никуда не денутся, — продемонстрировала я уверенность, которой не испытывала. — Улик против меня нет, зато свидетелей хоть отбавляй. Те же работники подтвердят, что я с вечера вниз не спускалась, а значит, облить керосином ничего не могла. Да и от моей одежды в таком случае должно характерно пахнуть... кстати, Дуняш, ни в коем случае не выкидывай оставшееся тряпье! Это весомая улика.

— Как скажете, барышня, — поморщилась служанка.

Ей явно не терпелось избавиться от противной ветоши, в которую дым и пепел превратили мое рабочее платье, но доказать мою невиновность, разумеется, важнее.

Другой вопрос, если пристав упрется, то ни показания служащих, ни моя одежда не помогут меня обелить. Потому следует как можно скорее отловить Розалию и убедить ее передать патриарху пару слов.

Глава 3

Господин Мелецкий явился, согласно уговору, сразу после обеда. Наш поверенный его сопровождал и выглядел совершенно довольным ролью помощника.

Даже успешный и зажиточный законник жаждал вырваться из Унгура, завести знакомства в высоких кругах и через связи устроиться поближе к столице. Что уж говорить об аристократах, чей род в свое время произвел несколько цариц! С тех пор, правда, минула не одна сотня лет, но что это для знати? Память предков не позволит расслабиться и уйти в небытие. Пока живы, будут бороться за возвращение былой власти.

Совещание проходило в папенькином кабинете. Он настоял, а я не спорила, потому что у него помещение больше.

Знакомец Сташевского внимательно изучил хранившиеся у меня документы, в том числе договор со страховой, одобрительно кивнул пахнущему дымом свертку с платьем и первым делом посоветовал:

— Не торопитесь.

— Не подавать заявку? — уточнила я, хотя сама об этом подумывала.

— Если проявить активность слишком рано, слухи о вашем соучастии в поджоге лишь окрепнут, — сочувственно глянул на меня господин Мелецкий. — Лучше выждать пару дней. Сроки выплат все равно указаны довольно свободные, до месяца, а с доказательствами вашей непричастности все пройдет куда быстрее и легче.

— И где мы их возьмем? — вздохнула я, покосившись на господина Сташевского. — Свидетельские показания, боюсь, сочтут недостаточными.

— Стражи уже ищут тех двоих, Томаша и Войцеха. Они не возвращались домой, соседи их не видели с вечера пожара. С их признанием дело закроют моментально.

— Думаете, они еще живы? — скептически нахмурилась я.

Господин Мелецкий удивленно заморгал. Не ожидал такого цинизма и знания жизни от юной барышни.

— Считаете, что кому-то настолько сильно нужно упечь вас за решетку, что они готовы на убийство? — протянул он.

— Не исключаю. Я помешала очень влиятельному человеку. Точнее, нескольким, но склоняюсь к одному определенному.

— Кому же?

— Пока предпочту не распространяться, — увильнула я от ответа. — Попробую уладить с ним дела самостоятельно. Если не удастся — тогда посмотрим, что предпринять.

— Все же, как ваш временный поверенный, настаиваю на раскрытии имен, — твердо возразил господин Мелецкий. — Вдруг ваша авантюра провалится, мы хотя бы будем знать, где вас искать.

— Если моя авантюра провалится, моего тела вы точно не найдете, — с тихим, невеселым смешком парировала я.

— Это кого же вы умудрились разозлить? — поверенный смотрел почему-то не на меня, а на господина Сташевского.

Тот вытаращился и замахал руками:

— Не я! Я вообще ни при чем, понятия не имею, из-за чего типографию подожгли.

— Еще как имеете. Но на этот раз основной виновник и правда не вы, — возразила, про себя отметив, что господин Мелецкий явно неплохо знает и самого хлыща, и его талант вляпываться в истории. — Я разворошила осиное гнездо, мне и разгребать проблемы.

Надеюсь, успею их решить до нового покушения.

Воронцовские, скорее всего, не планировали сейчас нас убивать, только припугнуть. Хотели бы — запустили бы сонный газ или еще как одурманили прежде, чем запалить первый этаж. Помню, господин Сташевский умер, не поднимаясь из кресла. Как он мог не учуять гарь и не вскочить в тревоге? Только в том случае, если находился уже в беспамятстве.

Значит, рассчитывают, что я одумаюсь и отступлюсь.

Но ни того, ни другого я делать не собиралась: отступить мне некуда. Нельзя позволить Белоярскому устроить мятеж.

Поверенный еще несколько раз попытался выведать у меня фамилии заказчиков поджога, но вынужден был отступить ни с чем. К моему удивлению, господин Сташевский тоже промолчал, хотя знал прекрасно, кому мы наступили на хвост.

Хлыщ просидел у нас до глубокого вечера, чаевничая с папенькой и заверяя, что моя безопасность будет обеспечена по высшему разряду.

Батюшка вознамерился меня запереть дома. Сама я, пожалуй, его бы не убедила, но те же доводы из уст взрослого, солидного мужчины оказались достаточно весомы. Основным был тот, что поджечь жилой дом ничуть не сложнее, чем типографию. Стоит лишь темноты дожждаться. Разве что жертв будет куда больше. А значит, главное — не спрятаться, а поскорее найти и разобраться с виновниками.

Отец кивал, заедая переживания свежими пирожками. Вряд ли так легко изменил мнение, но невозможность ограничить мои передвижения осознал.

Меня же тревожил иной вопрос.

— Почему вы ничего не сказали нашему знакомому? — не выдержала я, когда провожала господина Сташевского к выходу. — Знаете же, у кого на нас зуб заточен.

— Нужно было сказать? — вздернул бровь хлыщ. — Мне кажется, у вас на все готов план. И еще два — про запас.

— Правильно кажется, — выдохнула я с облегчением.

Он неплохо успел меня изучить.

Но больше всего меня удивила легкость, с которой Сташевский доверил мне свою жизнь. Ведь в случае неудачи пострадаю не только я.

Погруженная в свои мысли, я машинально собрала рассыпанные по отцовскому столу бумаги. Взгляд зацепился за сумму выплаты — десять тысяч рублей. На одни станки я потратила немногим меньше, а ведь еще ремонт какой-никакой, материалы, бумага, краска... Но смысл сожалеть об убытках? Только нервы тратить.

На средней руки гостиницу, если строить ее с нуля, уйдет не менее тридцати тысяч. Возможно, больше. Опыт приучил меня в любой проект закладывать неустойки:слишком часто я видела в столице брошенные на середине здания, жалобно зияющие пустыми окнами. Не рассчитали, разорились в процессе — всякое бывало.

Такой суммы у нас с папенькой нет. Но она точно есть у Сташевского. Если поделить акции пятьдесят на пятьдесят, то уж пять-семь сверху мы как-нибудь наскребем.

Отдавать больше половины столичному хлыщу чревато. Несмотря на его заботу и понимание, до конца я ему не доверяла. Сегодня он образец мужского благородства, а завтра передумает и решит нас выкинуть из совместного дела. С него станется.

Чтобы не откладывать, у себя в кабинете я набросала примерный план действий на ближайшие дни.

Замять скандал со страховой. Оправдаться, отыскать двух малолетних преступников, если они, конечно, живы. Их показания — мой спасательный круг. Надеюсь, их еще не убрали.

Решить вопрос с листком. Закрывать его жаль, он неплохо расхотелся, да и подписались на него многие на год вперед. Деньги отдавать — чревато разорением. Придется потеснить папеньку, передвинуть даты, чтобы не пересекаться по выпускам. Когда его работники отды-

хают, мои займут помещение. Станки старые, но справятся, а там и новые подспеют. Я три штуки еще успела заказать до всех этих событий.

Ни в коем случае никого не увольнять! Найду помещение под кухню, чтобы не лишать работников сытного обеда, на крайний случай попрошу нашу кухарку поспособствовать.

С правовыми тонкостями придется пока что положиться на господина Мелецкого. Он точно в них разбирается лучше меня.

Стоимость земли у станции, как и выгодное место под застройку, визнаю сама. Я помню, где самые лучшие участки, мимо которых впоследствии пройдет дорога к порту и складам.

Через Ярека найму строителей — наверняка в трущобах много рабочих рук. Вот только бригадира надо бы надежного, чтобы ни пить не давал, ни халтурить, ни воровать. Из своих, бедняков, иначе не избежать конфликтов, но с крепкой репутацией. Есть у меня одна кандидатура на примете, если повезет — сумею его перетянуть на свою сторону.

Ну и материалы раздобыть. Тут без Воронцовских никак не обойтись.

Подумав, переписала соотношение долей. Если уж привлекать знатный род, следует помянуть его прибылью. Скажем, двадцать процентов им. А оставшееся — нам со Сташевским пополам.

Совесть за то, что я решаю детали предприятия без учета мнения участников, меня не мучила. В конце концов, никто не знает о будущем больше меня. Значит, придется им подчиняться. Тем более что делаю я это все к нашей всеобщей выгоде.

Разумеется, все эти пункты будут действительны лишь в том случае, если мне удастся переманить Воронцовских на свою сторону. Если же нет, то, как я и сказала господину Мелецкому, тело мое вряд ли отыщут.

Как и Сташевского.

Расчесывая перед сном мои волосы, Дуняша поведала результаты народного расследования. Обошлось оно мне в три рубля и две копейки. Копейки — мальчишке, оббегавшему половину городских чайных, остальное — управляющим, чтобы выяснить обыкновения барышни Воронцовской. Мне пообещали сразу же прислать весточку, как только она появится, но предварительно отметили три заведения, в которые Розалия заглядывала чаще всего.

Буду готова метнуться туда по первому зову.

Утро, к сожалению, началось не со встречи с Розалией, а с визита представителя страховой компании.

Господин Пшеворский был дородным, медленным и дотошным до омерзения. От чая отказался, как и от завтрака, сразу прошествовал в мой кабинет, где более часа шуршал бумагами, сидя за моим же столом. Хорошо, я заранее позаботилась о дополнительных стульях, иначе стояла бы перед ним, как провинившаяся служанка. Папенька меня, конечно же, не оставил. Кроме того, спешно подтянулся господин Мелецкий, а за ним и Сташевский. Так что народу в небольшую комнатку набилось предостаточно.

— Кто закрывал помещение? — нарушил наконец гнетущую тишину господин Пшеворский.

— Никто, мы же еще не ушли, — спокойно отозвалась я, хотя внутри все дрожало.

Не от страха, разумеется. Сам факт, что меня сейчас допрашивают, будто преступницу, вызывал в душе бурю возмущения. Но показать ее нельзя: сразу решат, что нервничаю, потому что виновна.

— Затупили ли печи? — продолжил выяснять господин Пшеворский.

— Наверное. Об этом следует спросить моего помощника, Мацея Седовецкого. Он отвечает за безопасность и работников.

— Спросим, не сомневайтесь, — в голосе отчетливо слышалась угроза. — А не задолжали ли вы кому, барышня, в последнее время?

— Ни в последнее, ни в принципе никому не должна и не собираюсь подобной ерунды затевать, — гордо выпрямилась я. — Деньги на открытие второй типографии мы с папенькой собрали за долгие годы упорного труда.

— Да-да, у вас же еще одна есть... Позвольте взглянуть? Ходят слухи, что перед пожаром мы вывезли новые станки. Куда их еще установить, как не заместо старых!

Тут я тихо порадовалась, что не успела выполнить задуманное, точнее доставка задержалась. Объясняла бы потом на пальцах, почему в отцовском цеху такие же наборы и материалы, как были у меня. Конечно, есть счета, сопроводительные бумаги и заказ, но подтверждения с завода пришлось бы дожидаться несколько недель, если не месяцев. За это время моя репутация окончательно опустилась бы ниже плинтуса.

— Помилуйте, вы себе типографские станки вообще представляете? — не сдержавшись, хохотнула я. — Пройдемте, покажу. Помнится, когда мы их устанавливали, половина соседей сбежала поглазеть, а еще половина помогала перетаскивать.

Сразу видно, что господин Пшеворский в нашем деле не разбирается. Самое ценное вовсе не махины-основа, а наборы литер. Их как раз при желании спрятать не проблема. Но подсказывать ему ходы против меня было бы глупо, потому я молча накинула шубку и проводила проверяющего через двор.

Тот прошелся, не отряхнув обуви, по типографии, что в честь последних событий стояла тихой и пустынной. Людям папенька дал на два дня отгул, чтобы не отвлекаться от обихаживания пострадавшей дочери. «Моим тоже надо бы выплаты оформить, чтобы не плодить ненужные слухи», — вяло отметила про себя. Еще решат, что я им жалование задерживать собираюсь. Воронцовские беспринципны и времени мне передохнуть не дадут. Бить будут по уязвимым точкам, а самые уязвимые сейчас именно работники сгоревшей типографии. Их наверняка уже допросили, что само по себе удар. А когда выяснится, что один из них — точнее, двое — преступники, как бы не начались волнения.

С Томаша станется придумать, что я его оговорила. Или подкупила. Или еще что. Недавно они с приятелем исчезли. Точно вынырнут в самый неподходящий момент. Как свидетели против меня они бесценны, убивать их Воронцовские не станут.

Приберегают, как козырь на финал партии.

Завершив осмотр, господин Пшеворский повернулся ко мне и деловито похлопал по туго набитому портфелю.

— Мы разберемся с этим делом и дадим вам знать о результатах, — размыто пообещал он и откланялся.

Меня его заявление скорее встревожило, чем успокоило.

Если у страховой цель меня оговорить и не выдать компенсацию, они вполне могут проигнорировать очевидное и подтянуть нужные им факты. Вроде показаний двух беглецов.

— Вы уже нашли Томаша и Войцеха? — негромко осведомилась я у Сташевского.

— Мои люди дежурят у их дома. Как только появятся, мы сразу узнаем.

— Боюсь, домой они не пойдут. Их наниматели не идиоты, — поморщилась я. — Советую еще один пост организовать у здания страховой конторы. И у черного хода в первую очередь.

— Полагаете, они явятся туда? — оживился господин Мелецкий. — Но если они и подождли, это же приговор!

— Как исполнителям — не слишком суровый. Малолетки, по глупости позарившиеся на деньги богатой барышни. Их в суде пожалеют и пальцем погрозят.

— Оговор? Они не осмелятся! — но уверенности Сташевский не излучал.

Тоже понимал, что смелости отчаявшимся парням не занимать. Отступать им некуда: позади прорубь, где их неминуемо утопят разгневанные Воронцовские.

Глава 4

Господин Мелецкий тоже задерживаться не стал — решил навестить контору страховой компании. Все же чиновнику они выложат больше, чем девице под подозрением.

Ко мне же подскочила раскрасневшаяся Дуняша.

— Барышня Розалия сейчас в «Медовом подворье»! Просили передать, что она надолго, чтобы вы не торопились.

— Лучше давай поторопимся, — мотнула я головой.

— Куда вы собрались? — преградил мне дорогу Сташевский.

— С подружками в чайную, — почти не соврала я, хлопая наивно глазами. — Вряд ли вам будет интересно слушать про кружева и цены на шафран.

— Пусть сходит, развеется. Вы мне лучше с номером помогите, я тут статейку набросал о пожаре, вместе посмотрим, не слишком ли! — папенька по-свойски подхватил хлыща под руку.

Возражать старшему господин Сташевский не осмелился.

Да и что может произойти дурного от обычного визита в кондитерскую?

«Медовое подворье» недаром носило свое название. В рецептах мед использовался во всех видах, начиная от сбитня и ложечки оного в чай, заканчивая запеченной в меду свиной и морковно-медовыми сырниками. Цены кусались, тут не поспорить, но барышни на сладкое слетались не хуже пчел, так что чайная процветала.

Юная госпожа Воронцовская выбрала столик у окна, на застекленной веранде. Со спины ее прикрывал разлапистый фикус, а напротив столика деревянная ширма с тонкой резьбой не позволяла ни подслушивать, ни подглядывать. Самый дальний угол, удобно и прилично.

Наглость, с которой я устроилась на соседнем стуле, Розалию слегка удивила, но не напугала. Сразу видно, что она не в курсе семейных дел.

— Госпожа Мещерская? Чем обязана? — выгнула она тонкую, редкую бровь.

Сегодня госпожа Воронцовская выглядела относительно бодро. Даже румянец на щеках проявился и вроде бы настоящий, не косметический.

— Простите, что позволила себе небольшое вторжение, — скромно улыбнулась я. — Много вашего времени не займу. Дело в том, что у меня есть серьезный разговор к вашему деду.

— Хотите интервью взять? — «догадалась» Розалия. — Сразу предупрежу, дедушка нелюдим и не очень любит выходить в свет. Так что вряд ли он согласится.

— Не совсем. Это касается будущего всей вашей семьи, так что, полагаю, он не откажется уделить мне несколько минут его драгоценного времени.

— Нашей семьи? — мило нахмурилась барышня Воронцовская. — Произошло что-то дурное?

— Пока нет. Но вскорости может, — честно ответила я. И, подумав, уточнила: — Простите, если вопрос бестактен, но не приходил ли к вам свататься некий господин Зимородский?

— Откуда вы знаете? — щеки Розалии залил яркий, болезненный румянец.

Ну, вот и причина ее относительно цветущего вида. Приличный мужчина проявил интерес. Там и до легкой влюбленности недалеко, и тогда убедить барышню в дурных намерениях жениха будет куда сложнее.

— Заметила его интерес на балу. И хочу вас по-дружески предупредить, чтобы вы остерегались этого человека.

— Он... женат? — выдохнула Розалия, смущаясь до слез в глазах.

— Нет. Но его интерес к вам обусловлен вашими предками и накопленным ими состоянием, а не вами лично.

— А, тогда ничего страшного, — неожиданно успокоилась девушка. — Я прекрасно понимаю, что моя скромная внешность и посредственные способности не могут вызвать восхищения. Браки по расчету, они самые прочные. Так маменька говорит.

Я вспомнила свой брак по расчету. Точнее, с моей стороны-то он был по большой и светлой любви, о далеко идущих замыслах супруга ведать не ведала и все бы отдала за то, чтобы меня кто-то вовремя просветил. Крепким он не стал, как и счастливым. Но, видимо, в среде Воронцовских успех отношений оценивается как-то иначе.

— Согласна с вашей маменькой, при условии, что выгода от расчета идет в обе стороны. Подумайте, что приобретаете лично вы?

— Мужа, — не колеблясь, выдала Розалия. — И детей, надеюсь.

Мне даже стало немного завидно. С таким поразительным цинизмом рассуждать о собственной судьбе — наверное, для этого нужно родиться аристократкой и с детства впитывать понятия «должно» и «положено».

Пауза затянулась, и барышня Воронцовская это почувствовала.

— Если это та тема, которую вы желали обсудить с моим дедом, то не стоит, — с обманчивой мягкостью посоветовала она.

Я поспешно замотала головой.

— Вовсе нет. Это был непрошенный дружеский совет. Если я вас обидела, прошу забыть его и сделать вид, что я ничего не говорила.

— Все в порядке, — улыбнулась в ответ Розалия. — На самом деле мне даже приятно. У меня не так много подруг, способных выложить в лицо неприятную правду, причем не из желания досадить, а из лучших побуждений. Я вам весьма признательна. Если позволите, хотела бы угостить вас чаем. Здесь лучшие медовые сочники в округе!

Я собралась было отказаться, но тут она добавила:

— А я пока отправлю записку деду, что вы желаете пообщаться. Он сегодня как раз дома и, полагаю, не станет тянуть с ответом.

— Тогда согласна, при условии, что угощаю я!

Кивнув дежурившей у дверей Дуняше, чтобы устраивалась тоже, я поправила юбки и махнула подавальнице. Про себя же отметила откровенное неудобство: заходили сюда барышни образованные, из зажиточных, способные прочесть короткие слова без запинки. Листочек с перечнем свежих сегодняшних блюд был бы не лишним, чтобы каждый раз работниц не гонять и не заставлять перечислять по пунктам. В столичных солидных заведениях это уже постепенно появляется, но не из заботы о персонале, разумеется, а исключительно чтобы посетители меньше общались с чернью. В ресторации при гостинице обязательно нужно будет ввести подобное.

Список дел, обязательных к исполнению в скором будущем, рос поминутно. Я даже блокнот с карандашом завела, чтобы записывать все приходящие в голову мысли, иначе та норвила распухнуть и лопнуть. Но заниматься этим при знакомой невоспитанно, мы вроде только контакт наладили, негоже все портить.

— А что до вас, уже есть жених? — ненавязчиво продолжила светскую беседу Розалия, подливая мне чай.

Не сидеть же с пустой чашкой в ожидании заказанного, облизываясь на чужую еду.

— Нет пока. И не хочется, если честно, — призналась я, вспомнив свои мытарства и содрогнувшись. — Выбор супруга — слишком сложное дело, требующее внимания и дотошности. Мне сейчас точно не до этого.

— Так этим обычно родители занимаются, — недоуменно возразила Розалия. — Вам-то зачем себе голову забивать?

— Матушки у меня уже давно нет, а папенька занят типографией. Это его второе детище, требующее куда больше заботы, чем я.

— Простите, я не знала, — потупилась барышня Воронцовская.

Неудивительно. Не того я полета птица, чтобы каждая аристократка города была в курсе моего трагического прошлого.

— Ничего страшного. Матушка ушла много лет назад, я ее почти не помню. А отец с меня пылинки сдувает, жаловаться не на что, — усмехнулась я. — И жениха он мне позволил самой выбрать. Только вот незадача: те, кто желают моей руки, обычно засматриваются и на типографию. А такие мне без надобности.

— Не следует на себя наговаривать. Вы прелестная, цветущая барышня, многие мужчины сочтут за великое счастье, если вы обратите на них внимание. Тем более приданое все равно останется за вами, о чем переживать?

— Есть много способов выудить из женщины ценности, — пожалала я плечами, вспомнив изворотливость бывшего мужа.

Конечно, напрямую отобрать у меня деньги он не мог. Но давить на жалость, требовать помощи и применять шантаж — запросто. «Мы же пара, обязаны делить горести и радости. Как ты смеешь бросать супруга в беде?»

И я как дура платила его долги, покрывала расходы и содержала дом. Пока не грянула беда и мы с папенькой не разорились. Тут уж Анджей показал себя во всей красе. Выяснилось, что спасти вторую половинку — это удел жены. А если в беде как раз она, то ее следует всячески винить и унижать.

А также оставить ее дома и отправиться искать иные источники дохода.

Поскольку кроме смазливой физиономии Анджей более ничего не имел, то и заработок он нашел соответствующий. Парочку богатых, скушающих вдов, нуждающихся в крепком мужском плече и не только.

Возможно, он и раньше с ними путался, просто скрывать перестал.

Розалия меланхолично повозила ложечкой в чашке, хотя сахар точно не клала.

— Наверное, вы правы. Но это если выходить замуж в семью мужа, — задумчиво произнесла она. Похоже, говорила она не со мной, а скорее сама с собой, озвучивая уже сто раз прокрученный мысленно монолог. — Если же муж придет ко мне и примет мою фамилию, то и хозяйкой в доме стану я.

«Чтобы стать хозяйкой, нужен свой дом. А у вас там главный — патриарх, и никто ему возразить не смеет», — хотелось мне сказать, но я промолчала. Розалии и без того сложно найти подходящего кандидата, а если еще и ограничивать выбор, то вовсе без жениха останется. А род ей этого не позволит: ей детей родить надо, чтобы линия Воронцовских не заглохла. Пусть ценой собственной жизни, учитывая ее болезненность, но надо.

В прошлом с Зимородским не сложилось, а до повторного замужества наследницы не дожидаясь вся семья.

Сейчас все вновь шло к тому же — к браку по расчету, козням против трона с целью возвыситься и бесславной гибели. Свадьба с Зимородским запустит эту цепочку событий бесповоротной. Если Розалия выйдет за него, отговориться незнанием Воронцовским не удастся. Они окажутся втянуты в бунт официально, и кара со стороны князя последует непременно. Пока опальные аристократы всего лишь незримые помощники в тени, перевозчики грузов — им все сходит с рук. Стоит принять в семью заговорщика, им точно придет конец.

Потому я должна сделать все, чтобы этого союза не произошло. Но в данный момент моя главная цель иная. Мне бы себе помилование вытребовать, чтобы Воронцовские не пытались утопить мою репутацию окончательно, а уж потом заботиться о благополучии их рода. Иначе до того дня, когда их истребят, я рискую не дожить сама.

Мы успели уговорить по паре сочников, попробовать нежнейший медовик и упиться чаем, когда вернулся отправленный в особняк Воронцовских мальчишка.

Жила Розалия недалеко, значит, все это время патриарх раздумывал: стоит меня принимать или попросту проигнорировать? Раз с посыльным пришел слуга в характерной ливрее, все-таки предпочел выслушать.

Я украдкой выдохнула. Один из сложных этапов переговоров пройден, хотя они сами еще толком не начались.

Лакей остановился у нашего столика, отвесил поклон своей госпоже и повернулся ко мне. Судя по выправке и острому взгляду, мужчина этот не только подносы с письмами таскал. Возможно, из бывших военных или служителей порядка. Учитывая возраст — не так давно вышел в отставку и сменил род деятельности.

— Господин Воронцовский желает видеть госпожу Мещерскую. Прошу, — склонил голову лакей.

— Благодарю за занятную беседу, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.